

Падежи в языках мира

П. М. Аркадьев

Падеж — одна из наиболее широко распространённых и хорошо изученных лингвистами грамматических категорий. По данным «Всемирного атласа языковых структур»¹, падежи представлены примерно в двух третях языков и языковых семей. Неудивительно, что в течение последних полутора веков учёными были написаны сотни книг и тысячи статей, посвящённые самым разным вопросам, связанным с этой категорией; существует даже учебник для студентов, так и называющийся — «Падеж»², а в 2009 г. увидела свет написанная коллективом авторов из разных стран «Энциклопедия падежа»³.

Изучение падежа осложняют два обстоятельства. Во-первых, падежи в разных языках отличаются друг от друга подчас очень сильно. Наиболее очевидное и при том весьма существенное различие — это количество падежей: в русском языке шесть падежей (впрочем, вскоре мы увидим, что это далеко не так очевидно), в английском — два, в немецком — четыре, в эстонском — пятнадцать, а в некоторых языках Северного Кавказа их число достигает полусотни. Во-вторых, падеж — категория, связанная практически со всеми уровнями языка: с морфологией, поскольку падеж — морфологическая категория, выражающаяся при помощи морфем; с синтаксисом, поскольку падежи, среди прочего, указывают на грамматический статус членов предложения; с семантикой, поскольку падежи выражают смысловые отношения разных слов в предложении.

Разумеется, в рамках краткой статьи невозможно сколько-нибудь подробно остановиться на всех интересных вопросах, связанных с падежом. Поэтому здесь мы сначала рассмотрим то, как устроена падежная система русского языка, и на её примере коснёмся ряда более общих проблем, а затем перейдём к краткому обзору наиболее увлекательных и экзотических «падежных» явлений в языках мира.

¹ *World Atlas of Language Structures*, ed. by M. Haspelmath et al. Oxford: Oxford University Press, 2005; электронная версия доступна на сайте <http://wals.info/>.

² B.J. Blake. *Case*. Cambridge: Cambridge University Press. 1st ed. 1994, 2nd ed. 2001.

³ *The Oxford Handbook of Case*, ed. by A. Malchukov, A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2009.

1. Падеж в русском языке

Из школьной грамматики известно, что в русском языке шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный, ср. таблицу 1.

Таблица 1. Русские падежи (традиционный взгляд)

		I склонение (жен. р.)	II склонение (муж. р.)	III склонение (ср. р.)	IV склонение (жен. р.)
Ед. число	Именительный	<i>рука</i>	<i>нос</i>	<i>окно</i>	<i>мышь</i>
	Родительный	<i>руки</i>	<i>носа</i>	<i>окна</i>	<i>мышь</i>
	Дательный	<i>руке</i>	<i>носу</i>	<i>окну</i>	<i>мышь</i>
	Винительный	<i>руку</i>	<i>нос</i>	<i>окно</i>	<i>мышь</i>
	Творительный	<i>рукой</i>	<i>носом</i>	<i>окном</i>	<i>мышью</i>
	Предложный	<i>(о) руке</i>	<i>(о) носе</i>	<i>(об) окне</i>	<i>(о) мышь</i>
Мн. число	Именительный	<i>руки</i>	<i>носы</i>	<i>окна</i>	<i>мышь</i>
	Родительный	<i>рук</i>	<i>носов</i>	<i>окон</i>	<i>мышей</i>
	Дательный	<i>рукам</i>	<i>носам</i>	<i>окнам</i>	<i>мышам</i>
	Винительный	<i>руки</i>	<i>носы</i>	<i>окна</i>	<i>мышь</i>
	Творительный	<i>руками</i>	<i>носами</i>	<i>окнами</i>	<i>мышами</i>
	Предложный	<i>(о) руках</i>	<i>(о) носах</i>	<i>(об) окнах</i>	<i>(о) мышах</i>

Приведённая в таблице 1 картина осложняется тем, что в русском языке существуют и активно употребляются формы, в ней отсутствующие. Так, мы говорим *на носу*, а не **на носе*⁴, а также *в шкафу*, *в аэропорту*, *в крову* (но *о крову*) и т. д. Что это — особые формы предложного падежа или отдельный, не признаваемый почему-то школьной грамматикой⁵ падеж? Кроме того, мы обычно говорим не *налей мне чая*, *положи мне сахара*, а *налей мне чаю*, *положи мне сахару* и т. п. (в стихотворении Ф. И. Тютчева «Я лютеран люблю богослуженье...» есть даже строчка: *Ещё она не перешла порогу*). Внешне эти формы совпадают с формами дательного падежа, однако легко показать, что это лишь внешнее совпадение: прилагательные, служащие к ним определениями, выступают в родительном падеже: *горячего чаю*, *кускового сахару*. Встаёт тот же вопрос: отдельный ли это падеж, совпадающий у некоторых

⁴ Неправильные формы, словосочетания и предложения принято обозначать звёздочкой; другое употребление этого знака — обозначение реконструированных форм древнего состояния языка, однако в этом значении данный символ здесь использоваться не будет.

⁵ В этом школьная грамматика расходится с академической традицией: о различии «изъяснительного» (*о носе*) и «местного» (*в носу*) падежей писали ещё такие классики русистики, как А. М. Пешковский и В. В. Виноградов.

существительных по форме с дательным, а у большинства слов не отличимый от «обычного» родительного (ср. *налей мне вина / *вину, положи себе мяса / *мясу*), или особая форма родительного падежа? Далее, в разговорной речи мы часто употребляем такие формы, как *Миш! Насть! Ребят!* Может быть, это тоже особый — звательный — падеж, подобный, например, звательному падежу в латинском языке?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, надо сначала договориться о том, что считать падежом, а что нет. В уже упомянутом учебнике «Падеж», написанном австралийским лингвистом Б. Блейком, даётся следующее определение (перевод наш):

Падеж — это морфологическое выражение на зависимом слове словосочетания типа его синтаксической и/или семантической связи с главным словом.

Определение Б. Блейка содержит три важных пункта. Во-первых, падеж — это морфологическая категория, выражающаяся в формах слов. Для носителей языков с богатой морфологией, вроде русского, это кажется очевидным, однако не стоит забывать, что есть языки, где морфология гораздо беднее, — например, английский язык. В таких языках синтаксические связи между членами словосочетания и предложения могут выражаться порядком слов, но называть это падежом всё же было бы странно. Во-вторых, падеж выражается на синтаксически зависимом слове. Опять-таки, с точки зрения носителя русского языка такая ситуация является привычной, поскольку в нём в большинстве типов словосочетаний синтаксическая связь выражается именно на зависимом слове. Есть, однако, немало языков, где всё наоборот, т. е. синтаксические связи выражаются на главном слове. Грамматические категории такого типа также не принято называть падежом. В-третьих, падеж выражает не просто наличие синтаксической связи между двумя словами, а отражает характер этой связи: падеж меняется в зависимости от того, является ли слово, например, подлежащим⁶ или дополнением, определением или обстоятельством, а также от того, какой смысл оно выражает (например, в русском языке винительный падеж может обозначать полный охват предмета действием, а родительный — частичный охват, ср. *выпей воду* vs. *выпей воды*).

Пользуясь данным определением, можно сразу отграничить звательные формы вроде *Серёж! Ребят!* от остальных «кандидатов» в падежи: такие формы, использующиеся в функции обращения, нельзя считать падежом, поскольку они не выражают никакой синтаксической связи: обращение не зависит ни от сказуемого, ни от какого-либо другого слова в предложении. Кстати, следуя этой логике, надо исключить из числа падежей и традиционно именуемые «звательным падежом» аналогичные формы в других языках, например в латинском⁷.

⁶ В отличие от школьной грамматики, в лингвистике общепринято мнение, что сказуемое управляет подлежащим так же, как дополнениями.

⁷ Отметим, что именно такой логике следовали, например, некоторые античные грамматисты, не включавшие звательную форму древнегреческого языка в число падежей.

Две другие рассмотренные нами формы: *(на) носу́*, *(в) шкафу́* и т. д. и *(килограмм) сахару*, *(стакан) чаю* и т. д. — с полным основанием претендуют на звание отдельных падежей. Первые образуют так называемый «второй предложный» или местный падеж, отличающийся от обычного предложного лишь примерно у полутора сотен существительных (ок. 120 существительных мужского рода второго склонения и ок. 20 существительных женского рода третьего склонения) и употребляющийся с предлогами *в* и *на*. Вторые образуют так называемый «второй родительный» или партитивный («частичный») падеж, отличающийся от обычного родительного у нескольких сот слов мужского рода второго склонения, большая часть которых обозначает вещества. Важная общая особенность обоих «новых» падежей — их полное совпадение с обычными предложным и родительным во множественном числе (ср. *о шкафе*, *в шкафу*, но *о шкафах*, *в шкафах*). Партитивный падеж, кроме того, как мы уже видели, во всех случаях, когда он не совпадает с родительным, выглядит так же, как дательный; иными словами, у этого падежа вообще нет своих собственных форм. Отметим в связи с этим, что на «нетрадиционные» падежи во многом похож такой несомненный падеж, как винительный: особые, не совпадающие ни с какими другими формы винительного падежа есть лишь у слов первого склонения в единственном числе; во всех прочих случаях винительный падеж совпадает либо с именительным, либо с родительным.

Таким образом, более полная таблица склонения в русском языке содержит восемь падежей, а не шесть, ср. таблицу 2 (поскольку во множественном числе «вторые» родительный и предложный не отличаются от «обычных», мы приводим лишь единственное число):

Таблица 2. Русские падежи (более полная картина)

		I склонение (жен. р.)	II склонение (муж. р.)	II склонение (ср. р.)	III склонение (жен. р.)
Ед. число	Именительный	<i>рука</i>	<i>нос</i>	<i>вино</i>	<i>пыль</i>
	Винительный	<i>руку</i>	<i>нос</i>	<i>вино</i>	<i>пыль</i>
	Родительный	<i>руки</i>	<i>носа</i>	<i>вина</i>	<i>пы́ли</i>
	Частичный	<i>руки</i>	<i>(из) носу</i>	<i>вина</i>	<i>пы́ли</i>
	Дательный	<i>руке</i>	<i>но́су</i>	<i>вину</i>	<i>пы́ли</i>
	Предложный	<i>(о) руке</i>	<i>(о) носе</i>	<i>(о) вине</i>	<i>(о) пы́ли</i>
	Местный	<i>(в) руке</i>	<i>(на) носу́</i>	<i>(в) вине</i>	<i>(в) пы́ли</i>
	Творительный	<i>рукой</i>	<i>носом</i>	<i>вином</i>	<i>пылью</i>

Внимательный читатель наверняка заметил, что таблицы 1 и 2 отличаются не только числом падежей, но и их расположением. Порядок, в котором приводятся падежи в таблицах склонения, казалось бы, является всего лишь условностью. Тем не менее, вопрос о порядке падежей не вовсе бессмысленный: склонение представляет собою систему, и её организацию можно

попытаться отразить взаиморасположением падежей в таблице. Какой порядок более наглядно отражает внутренне устройство падежной системы русского языка: традиционный (И–Р–Д–В–Т–П) или приведённый в таблице 2 (И–В–Р–Ч–Д–П–М–Т)?

Выясним сначала, откуда взялся традиционный порядок И–Р–Д–В–Т–П. Для этого нам придётся обратиться к истории. Современные понятия о падеже и склонении восходят к античной грамматической традиции, основанной на описаниях древнегреческого и латинского языков. Сам термин «падеж» является переводом древнегреческого πτωσις, обозначающего вообще любое морфологическое изменение слов (описывавшееся как «отпадение», «отклонение» от исходной «назывной» формы). Древнегреческий грамматист Дионисий Фракийский (II в. до н. э.) вслед за философами-стоиками выделяет в древнегреческом языке четыре падежа: именительный (ὀνομαστική) или «прямой» (ὀρθή), родительный (γενική), дательный (δοτική) и винительный (ἀιτιατική) — и размещает их именно в таком порядке. Способ упорядочения падежей, как полагают учёные, мог быть связан с тем, что именно в таком порядке обычно располагались стоящие в соответствующих падежах слова в предложениях, содержащих все четыре падежа.

Когда древнеримские грамматисты стали приспособлять древнегреческую грамматику к латинскому языку, они столкнулись с тем, что в латинском языке имеется «лишний» пятый, отсутствующий в древнегреческом падеж, который они назвали «отложительным» (ablativus) и поместили в перечне падежей после тех падежей, которые в двух языках совпадали. Следует, кстати, заметить, что именно латинским грамматистам мы обязаны, в частности, странным названием падежа, использующегося для обозначения прямого дополнения, — «винительный». Действительно, какое отношение значение этого падежа имеет к вине или обвинению? Ответ прост: этот термин — перевод латинского accusativus ‘обвинительный’, который возник в результате неправильного перевода греческого ἀιτιατική. Это древнегреческое слово восходит к корню αιτία, у которого было два связанных между собою значения: ‘вина’ и ‘причина’; однако непосредственно грамматический термин был образован от слова αιτιατόν ‘следствие, результат’, буквально «то, что возникает из-за причины». Тем самым, правильный перевод древнегреческого ἀιτιατική — «следственный» или «результативный» падеж, что уже гораздо более похоже на значение этой грамматической формы: ведь основной результат действия затрагивает как раз прямое дополнение в винительном падеже.

Наконец, когда в позднее Средневековье стали возникать грамматики славянских языков, ещё более богатых падежами, чем латынь, порядок четырёх общих с древнегреческим и латынью падежей в них сохранялся без изменения, а отсутствующие в этих языках падежи добавлялись в конце. Именно таким образом возник привычный нам порядок падежей И–Р–Д–В–Т–П.

Итак, мы выяснили, что последовательность падежей может быть данью идущей из глубины веков грамматической традиции. Несмотря на древность и авторитет античных грамматистов, нам хотелось бы, чтобы порядок падежей в таблице склонения наглядным образом отражал какие-нибудь свойства падежной системы русского языка. Одним из таких свойств является внешнее сходство падежных форм. Как известно, в русском языке широко распространено явление омонимии падежных форм; так, *дом* может быть и именительным, и винительным падежом, *слона* — и родительным, и винительным, *ноге* — и дательным, и предложным, и местным, *ночи* — родительным, частичным, дательным и предложным, а форма числительного *сорока* — вообще любым из шести косвенных падежей.

Как легко видеть из таблицы 1, традиционный порядок помещает совпадающие падежные формы далеко друг от друга: именительный и винительный разделены родительным и дательным, дательный и предложный — винительным и творительным и т. п. Напротив, порядок, представленный в таблице 2, составлен так, чтобы падежи, формы которых могут совпадать, находились рядом. Такой порядок, имеющий с традиционным мало общего, наглядно отражает морфологические сходства и различия падежей и часто используется в научных работах по русскому языку.

В этом разделе мы рассмотрели некоторые особенности падежной системы русского языка, в частности выяснили, что в нём представлено скорее восемь, нежели шесть падежей, и обсудили вопрос о том, в каком порядке следует перечислять падежи. Кроме того, здесь было сформулировано определение падежа, пригодное для описания падежей в самых разных языках. В следующем разделе мы узнаем кое-что интересное о падежах в различных, в том числе «экзотических» языках.

2. Падежи в языках мира

Выше уже было сказано о том, что категория падежа представлена более чем в половине языков мира и что падежные системы разных языков демонстрируют большое разнообразие типов. Языки различаются и тем, сколько и какие падежи они имеют, и тем, какие значения их падежи могут выражать, и морфологическим устройством падежных систем. Остановимся кратко на этих вопросах.

Падежные системы, содержащие от шести до десяти падежей, как в русском языке, — по-видимому, одни из наиболее широко распространённых. Они представлены, помимо русского языка, также во всех славянских языках (кроме болгарского и македонского), в литовском языке, в тюркских языках (турецком, чувашском, татарском и др.), в монгольских языках (монгольском, бурятском, калмыцком и др.), в грузинском языке, во многих языках Индии, в некоторых языках Восточной Африки, в языках индейцев кечуа (Южная Америка), во многих языках аборигенов Австралии. Есть, однако, языки с более бедными падежными системами. Так, пять падежей было в латыни,

в древнеанглийском языке, столько же в латышском языке; четыре падежа, как мы знаем, было в древнегреческом языке; из живых языков четырьмя падежами обладают немецкий, и исландский, и, например, индоиранский язык кашмири. Всего три падежа в новогреческом и в классическом арабском. Наконец, немало языков имеет лишь два падежа; таковы румынский и старопровансальский (язык поэзии трубадуров), персидский и многие современные иранские языки (курдский, афганский и др.), многие языки Африки и Америки.

Напротив, есть языки, падежные системы которых гораздо богаче, нежели русская. Одиннадцать падежей в баскском языке, на котором говорят на северо-востоке Испании; ещё больше падежей в финно-угорских языках: пятнадцать в эстонском и, по некоторым подсчётам, до двадцати в венгерском. Все рекорды, однако, бьют языки, на которых говорят в Дагестане: в них представлено обычно около трёх десятков падежей, а в табасаранском языке насчитывается почти пятьдесят! За счёт чего в языке может быть столько падежей?

Если посмотреть внимательно на богатые падежами языки, то обнаружится, что в них при помощи морфологических показателей выражаются значения, которые в русском языке обозначаются сочетаниями предлогов с падежными формами существительных. Так, по-венгерски *házban* значит 'в доме', *házbá* — 'домой', *házból* — 'из дома', *házra* 'к дому', *házról* 'от дома' и т. п. Легко заметить, кстати, что венгерские падежные окончания членятся на две части, отвечающие за два разных смысловых компонента: одна часть — *локализация* — обозначает фрагмент пространства, связанный с основой (*-b* — 'внутреннее пространство', локализация «ин»; *-r* — 'пространство около', локализация «апуд»), а другая — *ориентация* — способ движения или размещения относительно объекта, обозначенного основой (*-an* 'находиться в', ориентация «эссив»; *-a* 'двигаться по направлению к', ориентация «латив»; *-ól* 'двигаться по направлению из', ориентация «элатив»). Названия пространственных падежей обычно получаются соединением названий локализации и ориентации, ср. инэссив (*-ban*), иллатив (*-ba*), апудэлатив (*-ról*). Чем богаче и разветвлённей в языке система локализации и ориентации, тем больше в нём может оказаться сложных пространственных падежей. Приведём систему пространственных падежей аварского языка (Дагестан), см. таблицу 3. Из таблицы легко видеть, что двадцать пространственных падежей образуются «перемножением» пяти локализаций и четырёх ориентаций.

Таблица 3. Система пространственных падежей аварского языка

ориентация→ локализация↓	эссив (‘находиться’)	латив (‘двигаться к’)	элатив (‘двигаться из’)	транслатив (‘двигаться через’)
лок (‘на’)	-да	-д-е	да-сса	-да-ссан
интер (‘среди’)	-ль	-ль-е	-ль-а	-ль-ан
апуд (‘около’)	-хь	-хь-е	-хь-а	-хь-ан
суб (‘под’)	-къ	-къ-е	-къ-а	-къ-ан
ин (‘в’)	-(ни/у)-КП ⁸	-(ни/у)-КП-е	-(ни/у)-КП-сса	-(ни/у)-КП-ссан

Итак, мы выяснили, что пространственные падежи нередко образуют в рамках падежной системы языка отдельную подсистему, обладающую своей собственной структурой. Рассмотрим теперь непространственные падежи и остановимся заодно на классификации падежей.

Падежи принято делить на «грамматические», в наибольшей степени связанные с выражением чисто синтаксических связей, и «семантические», в большей степени ориентированные на различные смысловые отношения между членами предложения. Разумеется, это деление во многом условно, поскольку «грамматические» падежи, как правило, имеют и несинтаксические употребления (ср. русский винительный падеж во временном значении: *всю ночь писал статью*), а «семантические» падежи нередко приобретают чисто грамматические употребления (ср. русский творительный падеж при некоторых глаголах: *восхищаться красотой*).

К «грамматическим» падежам обычно относят именительный (*номинатив*; падеж подлежащего), винительный (*аккузатив*; падеж прямого дополнения), родительный (*генитив*; падеж определения), иногда также дательный (*датив*; падеж непрямого дополнения). Ещё один довольно широко распространённый грамматический падеж не представлен в русском и большинстве европейских языков; это *эргатив*, падеж, использующийся для обозначения подлежащего переходного глагола. В языках, где есть такой падеж (это баскский язык, языки Кавказа, эскимосские, чукотский, многие языки Австралии и Америки), обычно нет аккузатива, а дополнение переходного глагола обозначается так же, как подлежащее непереходного — номинативом. Ср. пример (1) из аварского языка:

- (1) а. *Вас^{НОМ} рокъове вуссана.*
‘Парень вернулся домой’.
- б. *Инсу-цца^{ЭРГ} хур^{НОМ} бекъана.*
‘Отец пахал поле’.

⁸ КП = классный показатель, т. е. один из суффиксов согласования по роду и числу: -в- (мужской род), -й- (женский род), -б- (неодушевлённый род), -р- (множественное число).

В некоторых языках эргатив употребляется при обозначении подлежащего не только переходного глагола, но и любого глагола, обозначающего активное действие, ср. пример (2) из грузинского языка⁹:

- (2) а. *glex-ma*^{ЭРГ} *datesa simind-i*^{НОМ}
 ‘Крестьянин посеял зерно’.
 б. *gogoeb-ma*^{ЭРГ} *itamašes*.
 ‘Девочки играли’.
 в. *c'q'al-i*^{НОМ} *gatba*.
 ‘Вода нагрелась’.

Перейдём к «семантическим» падежам. В тех языках, где нет разветвлённой системы локализации и ориентации, как в финно-угорских и кавказских, тем не менее, нередко бывает представлено несколько падежей с пространственным значением. Например, в японском языке представлены *аллатив* (падеж, указывающий на направление движения) и *аблатив* (падеж, указывающий на исходную точку движения), ср. пример (3):

- (3) а. *Мусуко-га*^{НОМ} *гакко:-э*^{АЛЛ} *ику*.
 ‘Мальчик идёт в школу’, букв. «мальчик школа-в идёт».
 б. *Мусуко-га*^{НОМ} *гакко:-кара*^{АБЛ} *каэтта*.
 ‘Мальчик вернулся из школы’, букв. «мальчик школа-из вернулся».

Помимо пространственных падежей в языках мира часто встречаются падежи, выражающие различные другие значения. Один из таких падежей — хорошо знакомый нам творительный (*инструменталис*), обозначающий инструмент или средство, при помощи которого выполняется действие. Распространён также совместный падеж (*комитатив*), обозначающий живое существо или предмет, вместе с которым выполняется действие, ср. пример (4) из монгольского языка:

- (4) *Би Лувсанжав-май*^{КОМИТ} *ирэв*.
 ‘Я пришёл с Лувсанжавом’.

Наряду с совместным падежом имеется также и антонимичный ему «лишительный» падеж (*приватив*), ср. финское *rahtatta* ‘без денег’.

В языках Австралии встречается падеж, обозначающий причину ситуации или состояния — *каузалис*; при помощи этого падежа обозначается, например, дополнение при глаголах, выражающих эмоциональные состояния, ср. пример из языка калкатунгу: *yanyingkungu rumpi* ‘бояться привидений’ (букв. «привидение-каузалис бояться»). В некоторых языках встречается специальный падеж для обозначения временных промежутков — *темпоралис*, ср. венгерский пример: *hat órákor* ‘в шесть часов’ (букв. «шесть час-темпоралис»). Существуют также падежи, выражающие отношения срав-

⁹ Примеры даны в латинской транскрипции

нения: сравнительный (*компаратив*), см. пример (5) из японского языка и «отождествительный» (*экватив*), ср. пример (6) из осетинского языка.

- (5) *Яма-ёри*^{КОМП} *такай*.
‘Выше, чем горы’, буквально «чем горы высокий»
- (6) *Фат-ау*^{ЭКВ} *атахти*.
‘Он полетел, как стрела’.

Теперь, когда мы получили общее представление о том, какие падежи встречаются в языках мира, рассмотрим средства, при помощи которых падежи могут выражаться. Носители русского языка привыкли к тому, что при склонении существительных, прилагательных и местоимений к основе добавляется окончание, в котором выражаются одновременно падеж и число (а у прилагательных также и род). Действительно, если мы посмотрим на таблицы 1 и 2, мы не сможем выделить в русском языке отдельные суффиксы числа, общие для всех падежных форм единственного или множественного числа, и так же в русском языке нет показателя, например, родительного падежа, одинакового для форм обоих чисел. Такие показатели, в которых значения разных грамматических категорий (в нашем случае — числа и падежа) выражаются совместно, называются *кумулятивными*.

Несмотря на то, что кумулятивные показатели кажутся нам очень естественными, оказывается, что они имеются лишь в незначительном числе языков, большая часть которых относится к индоевропейской языковой семье. Если мы посмотрим на языки других семей, мы обнаружим, что в них, как правило, падеж и число выражаются отдельными и хорошо отчленимыми друг от друга показателями. Рассмотрим парадигму турецкого слова *el* ‘рука’, фрагмент которой представлен в таблице 4. Легко видеть, что в турецком языке множественное число обозначается суффиксом *-ler-*, отдельным от показателей падежей, которые одинаковы в обоих числах. Такого рода раздельное выражение падежей и других грамматических значений является, в отличие от кумулятивного выражения, нормой для языков мира.

Таблица 4. Склонение в турецком языке

	Единственное число	Множественное число
Номинатив	<i>el</i>	<i>el-ler</i>
Аккузатив	<i>el-i</i>	<i>el-ler-i</i>
Генитив	<i>el-in</i>	<i>el-ler-in</i>
Датив	<i>el-e</i>	<i>el-ler-e</i>
Локатив	<i>el-de</i>	<i>el-ler-de</i>
Аблатив	<i>el-den</i>	<i>el-ler-den</i>

Мы привыкли также к тому, что падежи обозначаются при помощи окончаний — показателей, находящихся, согласно своему названию, на конце

слова. Обычно в языках мира дело обстоит именно так: падежи выражаются суффиксами, т.е. морфемами, стоящими справа от корня. Встречаются, однако, языки, где падежи выражаются по-другому. В частности, существуют падежные префиксы, стоящие не в конце, а в начале слова. Такие случаи почему-то особенно распространены в языках с бедными падежными системами, ср. падежные формы берберского языка ташельхит (основа *-rgaz* ‘человек’), в котором есть всего два падежа: *argaz* («основной» падеж), *urgaz* (номинатив). Наконец, в некоторых языках Восточной Африки, например в языке масаи (нилотская семья) противопоставление падежей выражается только при помощи изменения *тонового контура* слова, т.е. «мелодии», с которой слово произносится, см. таблицу 5; рядом с каждым словом подписан его тоновый контур: В — высокий, Н — низкий, С — средний, П — восходяще-нисходящий тон; буква соответствует тону на одном слоге.

Таблица 5. Тоновое склонение в масаи

	‘девочка’	‘пастух’
прямой падеж	<i>entító</i> СВС	<i>encekút</i> ССП
косвенный падеж	<i>entító</i> ССВ	<i>encekút</i> СВН

В отличие от привычных нам языков, во многих языках Африки движение тона может различать слова и формы слов, так же, как, например, в английском и немецком языке формы слов могут образовываться при помощи чередования гласных (например, англ. *foot* ‘нога’ ~ *feet* ‘ноги’, нем. *Mutter* ‘мать’ ~ *Mütter* ‘матери (мн.ч.)’).

Как кажется, совершенно очевидно, что у слова не может быть одновременно двух падежей: абсурдно даже представить себе, чтобы одно и то же слово в данном словосочетании или предложении стояло одновременно, например, в родительном падеже и в дательном. Тем не менее, в немалом числе языков мира такое возможно! Попробуем понять, как такая, на первый взгляд, странная ситуация может возникнуть. Вспомним определение падежа: падеж выражает тип синтаксической и/или семантической зависимости одного слова от другого. Связь между главным и зависимым элементами словосочетания, как правило, имеет и синтаксическую (одно слово вступает с другим в некоторое грамматическое отношение, например, дополнения или определения), и семантическую составляющие (например, определение может обозначать материал, из которого изготовлен предмет, или цель, для которой он используется, и т. п.).

Рассмотрим несогласованные определения в русском языке. Определением к существительному в русском языке может быть другое существительное, причём оно может стоять и в родительном падеже (*дом отца*), и в дательном (*письмо брату*), и в творительном (*восхищение красотой*). Кроме того, определением в русском языке может быть сочетание существительного с предлогом: *письмо из Москвы*, *лекарство от кашля*, *книга в подарок*

и т. д. Русский язык позволяет, чтобы определение содержало необходимый для выражения любого из разнообразных семантических отношений показатель (падеж или предлог), но не требует обязательного морфологического выражения чисто грамматической связи между определяемым и определением. Это можно, кстати, сравнить с тем, что в русском языке грамматическое значение числа не выражается отдельно от грамматического значения падежа; можно сказать, что в русском языке (и во многих других языках) семантическое и грамматическое отношения между определяемым и определением выражаются кумулятивно.

Посмотрим, что происходит в языках, где эти значения выражаются раздельно, т. е. в словосочетании представлены одновременно отдельный показатель чисто грамматической определительной связи и показатель, отвечающий за конкретное семантическое отношение между двумя словами. Такая ситуация представлена, например, в японском языке, где любое определение (кроме определений, выраженных формами прилагательных и глаголов) должно содержать показатель родительного падежа *-но*, ср. примеры (7) и (8).

- (7) а. *Таро:-га То:кё:-кара*^{АБЛ} *кита.*
 ‘Таро приехал из Токио.’
 б. *Таро:-но*^{ГЕН} *томодати*
 ‘приятель Таро’
- (8) а. *Таро:-кара*^{АБЛ} *-но*^{ГЕН} *тэгами*
 ‘письмо от Таро’
 б. *Амэрика-э*^{АЛЛ} *-но*^{ГЕН} *рёко:*
 ‘путешествие в Америку’
 в. *сэнсэй-то*^{КОМИТ} *-но*^{ГЕН} *ханаси*
 ‘разговор с учителем’

Как видно из этих примеров, в японском языке показателю определительной связи *-но* может предшествовать один из семантических падежей, конкретизирующих тип смыслового отношения между определением и определяемым словом.

Другой источник возникновения «двойных» падежей — ситуации, когда на данном слове морфологически выражается его синтаксическое и/или семантическое отношение сразу с несколькими словами в предложении. Есть языки, в которых, например, к определению в родительном падеже присоединяется показатель падежа, в котором стоит главное слово словосочетания. Так обстояло дело, в частности, в древнегрузинском языке¹⁰. Показателем номинатива в нём был суффикс *-i* (после гласной *-j*), например, *šec'evn-i* ‘помощь’, показателем генитива — суффикс *-isa*, инструменталиса — суффикс *-ita* (после гласной *-jta*), например, *šec'evn-ita* ‘с помощью’. Рассмотрим теперь пример (9):

¹⁰Примеры даны в латинской транскрипции.

- (9) а. *šev'evn-ita*^{ИНСТР} *c'midisa sameb-isa*^{ГЕН} *-jta*^{ИНСТР}
 'с помощью Святой Троицы'
 б. *šec'evn-i*^{НОМ} *c'midisa sameb-isa*^{ГЕН} *-j*^{НОМ}
 'помощь Святой Троицы'

Как видно, определение в генитиве в буквальном смысле слова согласуется по падежу с определяемым словом, получая два падежных показателя: один из них (генитив) указывает на синтаксическую связь определения с определяемым, а другой (инструменталис в (9а), номинатив в (9б)) — на связь всего словосочетания с более широким синтаксическим контекстом.

«Двойное» (а подчас и многократное!) падежное оформление особенно распространено в языках аборигенов Австралии. Рассмотрим пример (10) из языка вальбири, данный, ввиду его сложности, с пословным переводом:

- (10) а. *ngarrka-ngku ka yankirri luwarni ngapa-ngka-rlu.*
 человек-ЭРГ всп.гл. эму(НОМ) стреляет вода-ЛОК-ЭРГ
 'Человек стреляет в эму, <находясь> у воды.'
 б. *ngarrka-ngku karlajinta yankirri-ki luwarni ngapa-ngka-ku.*
 человек-ЭРГ всп.гл. эму-ДАТ стреляет вода-ЛОК-ДАТ
 'Человек стреляет в эму, <находящегося> у воды.'

В обоих предложениях имеется форма *ngapa-ngka* 'у воды', которая в (10а) обозначает местоположение подлежащего (*человек*), стоящего в эргативном падеже, а в (10б) обозначает местоположение дополнения (*эму*), в данном случае стоящего в дательном падеже. Если мы скажем по-русски *Человек стреляет в эму у воды*, то, в принципе, это предложение может иметь оба значения; на языке вальбири эти значения различаются при помощи падежного согласования формы в локативном падеже с тем словом в предложении, к которому оно относится. Снова один падеж (локатив) выражает собственную семантическую роль слова в предложении (в данном случае значение местонахождения), а другой — синтаксическую связь этой формы с другим элементом предложения.

Заключение

Мы рассмотрели несколько интересных проблем, связанных с категорией падежа в русском языке и в других языках. Разумеется, за рамками данной статьи оказалось большое число чрезвычайно интересных вопросов, в том числе и таких, которые можно рассматривать на материале русского языка, где обнаруживаются интересные параллели с языками гораздо более «экзотическими». Многие «падежные» проблемы вообще остаются малоизученными, а некоторые наверняка ещё только предстоит открыть.